

Драматургия Горького

(К годовщине 60 дня смерти А. М. Горького)

1.

Пьесы великого пролетарского писателя с каждым годом все более и более завоевывают советскую сцену. Вероятно, нет почти ни одного театра, — не только русского, но и в национальных республиках, — который не ставил бы горьковского спектакля. Даже такие пьесы, как «Зыковы», которые не входили в дореволюционный репертуар, ставят советскими режиссерами. Только за последние пять лет общее количество спектаклей горьковских пьес на сцене достигло свыше десяти тысяч.

Таким образом, действительность советского театра разрушает мнение, будто пьесы Горького неценимы, что его пьесы скорее являются «пьесами для чтения», чем для постановок.

Не случайно, что советские режиссеры и актеры, не только профессиональных, но и самодеятельных театров, так тщательно и много работают над Горьким: драматургия Горького воспитывает актера и режиссера, придавая их мастерству особые качества, — работа над Горьким, режиссеры и актеры становятся подлинно советскими режиссерами и актерами.

Пьесы Горького чужды внешней, формально-сюжетной занимательности. Горький овладевает вниманием аудитории не какими-нибудь забавными кунштюками, а тщательной разработкой образов, отражающих правду жизни; он владеет аудиторией благодаря пластически-выразительному языку, который помогает не только слышать героев, но и отчетливо видеть их, даже если нет перед вами зрительного изображения. Такому мастерству языка Горький учился, по его собственным показаниям, у большой французской литературы, и, особенно, у Бальзака, получившего, как известно, высокое признание основоположников марксизма Маркса и Энгельса.

«Васса Железнова» в Центральном театре Красной армии.

И, наконец, изображая правду жизни, Горький никогда не выступает в пьесе как бесстрастный свидетель, но всегда как судья, судящий в искусстве художественными, а не публицистическими средствами, судящий с позиций воинствующего и идущего к социализму пролетариата. Вот почему пьесы Горького так полемически заострены, всегда вызвали бурную реакцию зрительской аудитории и преследовались в свое время царской полицией.

Эти качества горьковской драматургии — предельная простота и естественность при тщательной разработке психологии образов и их языка, боевая полемическая заостренность — представляют значительные трудности для режиссеров и актеров. Особенно для тех, которые находятся в какой-то мере во власти формализма. Легко заметить, что именно такие режиссеры, у которых понятие театральности никак не совмещается с понятиями жизненной правды и простоты, либо совсем не берутся за Горького, либо, взявшись за него, терпят поражение. Приступая к драматургии Горького, режиссер должен в корне пересмотреть традиционные принципы театральности. Но зато, преодолев эти трудности, и постановщик, и актеры по-настоящему вырастают в своем мастерстве.

2.

Как подлинно большой художник, Горький своими пьесами будит мысль и чувства зрителей и все время заставляет думать о том, что происходит за пределами сцены, на просторах жизни. Такова сила обобщения образов горьковских пьес!

Уже в первой пьесе, «Мещанах», вышедшей в 1902 году и тематически сходной с «Детями Ванюшина» Найденова, Горький на том же тематическом материале столкновения отцов и детей показывает классовое расслоение семьи. Семья богатого подрядчика Бессеменова, находящаяся в тисках мещанского домостроевского быта, страшного своей темной инерцией, распадается. Детей Бессеменова, Петра и Татьяну, не удовлетворяет старый быт, но не удовлетворяет более своей формой, чем своим существом. Оторвавшись от старого, дети не примкнули и к новым силам. Тоскующие, безрадостные, преследуемые ощущением жизненной ущербности, не видящие будущего и не умеющие мечтать о нем, равнодушно проходят они свой путь, надоедая себе и другим постоянными жалобами. Бессеменов, у которого до сих пор все было ясно и устойчиво, стоит перед ошеломившим его открытием: ему некому передать «дело», он «без семени», человек без наследников.

Картину такого же преждевременного исторического оскудения, своеобразной «собачьей старости», раскрывает Горький и в среде крупной буржуазии. Гордеевский Маякин (в ин-

сценированной неоднократно повести «Фом Гордеев»), Васса Железнова, Зыков — люди большой воли и своеобразного ума, откровенные хищники, — не останавливаются ни перед какими преступлениями, чтобы накопить громадное богатство. Но «дело», созданное такими усилиями, некому передать. Во втором и третьем поколении буржуа оказываются во власти декаданса (упадочнических настроений). «Дети мои — руки мои, внуки мои — пальцы мои», — говорит Васса Железнова, но руки и пальцы, протянутые в историю, оказываются парализованными.

Но если буржуа типа Бессеменова, Гордеева, Маякина и Вассы Железновой еще уверены в правоте своего дела и не имеют этого рода колебаний, то буржуа типа Егора Булычева теряют и эту уверенность.

Дворянская и буржуазная интеллигенция показана Горьким либо воинствующей, как во «Врагах», — и тогда надо удивляться изумительной проницательности Горького, предвидшего в своих пьесах и клеветнические выпады против революции типа авторов «Вех», и отвратительные фашистские «расистские» теории, и перелицовывание славянофильского старья в форме лицемерного восхваления крестьянства за его смирение. Либо эта интеллигенция показывается убегающей от трудностей жизни, укрывающейся от нее в высотах науки, как Протасов в «Детях солнца», и чувствующей себя чужой среди народных масс, как чувствуют себя среди крестьянских масс случайными людьми дачники («Дачники»).

Всем этим злобным и исторически обреченным силам старого мира Горький противопоставляет образ нового человека — Нила, Полю, Рашель, Левшина, Синцова. Это — рабочие, новые хозяева жизни; они — подлинные гуманисты, но отвлеченно любящие людей, но понимающие, что настоящая любовь к людям обязывает к революционной борьбе за человеческое счастье. Эта борьба, проводимая в контакте с широчайшими массами, делает

«Васса Железнова» в театре им. МОСПС.
Железнов — арт. Н. А. Извольский, Васса Железнова — засл. арт. С. Г. Бирман

их вдохновенными и счастливыми уже сейчас. Синяя птица жизненной полноты, постоянно ускользающая из рук интеллигенции, сама идет в руки нового человека. Вооруженные научным мировоззрением, они видят будущее и умеют мечтать о нем.

Задача построения положительного героя, не дававшаяся драматургам прошлого, осуществлена пролетарским писателем Горьким, причем при осуществлении ее Горький избегал всякой нарочитости, натяжек, ходульности и схематизма. И это потому, прежде всего, что класс, строящий новое общество, в самой жизни создавал положительных героев, людей, в полной мере заслуживающих высокого звания — «Человек»!

Такую картину социальных процессов рисует в своей драматургии Горький, расценивая эти процессы с передовых позиций пролетарской идеологии.

ТЕАТР ИМ. ЕРМОЛОВОЙ

«Последние» М. Горького. Петр — арт. Раевский, Софья — арт. Бершадская,
Любовь — арт. Пирятинская

«Враги» М. Горького в МХАТ'е СССР им. Горького. III действие

3.

Драматургия Горького сыграла исключительную роль и в истории русской драматургии, и в истории русского театра. Когда Горький начинал свою деятельность драматурга, на русской сцене господствовали эпигоны бытового жанра, все эти Крыловы, Потехины, Аверкиевы, Шпагинские и др., изображавшие злободневные курьезы часто характера сплетни, с акцентом на пикантных подробностях, фотографировавшие, в самом плохом смысле этого слова, разрозненные стороны жизни, не пытаясь по-настоящему осмыслить их. Про авторов такого «творчества» один из юмористических журналов, «Будильник», писал в свое время так: «Пьесы он (автор. — М.Г.) пишет, переводит, переделывает, «переворачивает» с иностранного на русские нравы, чинит, штопает, кладет на них заплатки, надвязывает пятки и вообще проделывает то же, что принято проделывать с престарелыми принадлежностями костюма».

Этому «драмоделанию» Горький вместе с Чеховым нанесли решительные удары. Горького-драматурга привлекали в Чехове простота и естественность, глубина психологической характеристики образа, и этим лучшим сторонам чеховской драматургии Горький следовал, внося в познание жизни глубину и страстность пролетарского идеолога.

В истории лучшего нашего театра — Московского Художественного театра — горьковская драматургия, по признанию самих руководителей МХАТ'а, была новым и особым этапом. К. С. Станиславский в своих мемуарах («Моя жизнь в искусстве») пишет: «Брожение и нарождающаяся революция принесли на сцену театра ряд пьес, отражавших общественно-политическое настроение, недовольство, протест, мечтание о герое, смело говорящем правду... Главным начинателем и создателем общественно-политической линии в нашем театре был А. М. Горький... Горький, пришедший к нам от земли, был нужен театру».

По мнению В. И. Немировича-Данченко, уже в советское время постановка Московским Художественным театром «Врагов» была показателем перелома в идейных настроениях театра.

4.

Лучшие венки, приносимые памяти писателя, — венки понимания его творчества. Когда писатель понимается, он, по гениальному выражению товарища Сталина, становится «инженером» человеческих душ. Слова, звучащие со сценической площадки, правильно интерпретированные в их существе, превращаются в торпеды: они срываются с подмостков театра и, врываясь в наше сознание, производят там изменения, которые необходимы для формирования нового социалистического человека.

Советский театр много сделал для понимания драматургии Горького, но сделал далеко еще не все, и поэтому надо надеяться, что дни памяти величайшего пролетарского драматурга дадут новые импульсы советским актерам и режиссерам для дальнейшего овладения драматургическим наследством Горького.

М. ГРИГОРЬЕВ.

«Враги» М. Горького в МХАТ'е СССР им. Горького. 3-й акт. Полина — нар. арт. СССР, орденосеица О. Л. Книппер-Чехова, генерал — нар. арт. СССР, орденосеица М. М. Тарханов, Захар Бардин — нар. арт. СССР, орденосеица В. И. Качалов